

В.Д. Кудрявцев-Платонов

**Сочинения В.Д. Кудрявцева-
Платонова**

Том II. Выпуск 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В.Д. Кудрявцев-Платонов**
Сочинения В.Д. Кудрявцева-Платонова: Том II. Выпуск 3 / В.Д. Кудрявцев-
Платонов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 514 с.

ISBN 978-5-458-04937-5

Посмертное издание собрания сочинений видного представителя русского теизма – профессора Московской Духовной академии и Председателя Братства Преподобного Сергия. Несмотря на то, что в истории русской философии Кудрявцев-Платонов не получил известности как основатель оригинальной философской системы, его по праву считают превосходным философским писателем и талантливым выразителем идеи непротиворечивого сочетания философского мировоззрения и христианского учения. Структура трехтомного издания построена на курсе лекций, читанных Кудрявцевым-Платоновым в академии, и созданном им учебнике по философии. В первом томе представлено введение в философию и цикл статей по гносеологии, второй том посвящен исследованиям в естественном богословии, и, наконец, в третьем томе собраны его работы по космологии и рациональной психологии.

ISBN 978-5-458-04937-5

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИЗЪ ЧТЕНИЙ ПО ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ *).

V.

Деизмъ.

Въ предыдущихъ нашихъ чтеніяхъ по философіи религії мы разсматривали содержаніе естественаго религіознаго сознанія на первой, низшей его степени, которую назвали вообще формою представлінія. Въ этой гносеологической формѣ мы указали коренную причину того, почему это сознаніе необходимо должно было явиться политеистическимъ, и старались представить главные моменты политеистического процесса въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Въ Греко-римской религіи данъ послѣдній изъ этихъ моментовъ, заключившій собою циклъ возможныхъ опредѣленій религіознаго сознанія въ формѣ политеизма. Мы видѣли, почему въ этомъ послѣднемъ цвѣтѣ язычества должно было скрываться и съмѧ его разрушенія и необходимость перехода естественаго религіознаго сознанія на высшую ступень,—ступень понятія. Миѳологическая представлінія должны уступить мѣсто различнымъ раціональнымъ понятіямъ о Богѣ.

*) Продолженіе труда, напечатаннаго во второмъ выпускѣ втораго тома сочиненій В. Д. Кудрявцева-Платонова (стр. 104 и сл.).

Началомъ философскаго движенія мысли въ области религіозныхъ идей и мотивомъ его, конечно, должно было являться сознаніе неудовлетворительности и устраненіе предыдущей формы религіознаго сознанія, — формы представлениія. Если же этою формою существенно условливался политеизмъ, то естественнымъ резултатомъ устраненія ея должно быть разрушеніе политеизма и затѣмъ свободное возникновеніе мысли о единомъ Богѣ. Философское движеніе мысли вообще должно было выразиться въ замѣнѣ политеизма монотеизмомъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что характеристической признакъ всякоаго рациональнаго понятія о Богѣ, независимо отъ возможныхъ качественныхъ достоинствъ и недостатковъ его, есть монотеистическое представлениіе о Богѣ. Могли быть, конечно, попытки компромисса между философскимъ монотеизмомъ и религіознымъ политеизмомъ въ смыслѣ удержанія низшихъ божественныхъ существъ (миѳологическихъ боговъ) при высшемъ и единомъ Богѣ; но эти многие подчиненные боги для философской мысли не были богами въ собственномъ смыслѣ. Вообще не было примѣра, чтобы многобожіе, какъ признаніе многихъ абсолютныхъ началь бытія, было возводимо въ философскій принципъ, принимало видъ философскаго ученія о Божествѣ.

Такой переходъ религіознаго сознанія съ низшей ступени представлениія на высшую—понятія, такое преобразованіе религіознаго политеизма въ философскій монотеизмъ окончательно могло совершиться только въ Греціи и Греческой философіи. Прачины этого явленія нельзя искать въ одной только особенности богато одареннаго Эллинскаго генія, преимущественно предъ всѣми народами древняго міра владѣвшаго способностью къ философскому мышленію,—способностію, выразившеюся въ цѣломъ рядѣ самостоятельныхъ философскихъ системъ, подобныхъ которымъ не представиль намъ ни одинъ народъ древности. Эта причина, конечно, могла сильно содѣйствовать возникновенію независимаго отъ религіи философскаго ученія о Богѣ, но она не была ни главною, ни единственою. И въ Индіи мы замѣчаемъ не меньшую можетъ-быть, чѣмъ въ Греціи, способность къ глубокомысленнымъ философскимъ воззрѣніямъ; однакожъ здѣсь философская мысль

никогда не могла отрѣшиться отъ узъ, сковывавшихъ ее съ народною религіею. Самая, повидимому, антирелигіозная воззрѣнія всегда старались найти точку опоры въ религіи и удержать нити, связывающія ихъ съ нею. Оттого здѣсь могли образоваться не самостоятельныя философскія школы и системы, но лишь отдѣльныя религіозныя секты съ болѣе или менѣе философскимъ направленіемъ. Главная причина разсмотрѣваемаго нами явленія заключалась въ томъ, что именно въ Греческомъ политеизмѣ выразился послѣдній и окончательный моментъ язычества и что, по самому существу этого момента, онъ неизбѣжно вызывалъ не новый какои-либо невозможный фазисъ политеизма, но переходъ къ философскому монотеизму. Мы видимъ, какимъ образомъ, не только содержаніе Эллинской религіи, по и самая форма ея, форма художественнаго антропоморфизма, неизбѣжно вызывала сознаніе ея неудовлетворительности, разрушеніе политеизма и возникновеніе философскаго понятія о единомъ Богѣ.

Такое понятіе, конечно, не могло явиться вдругъ, какъ единоподобное дѣло какого нибудь смѣлаго философа, рѣшившагося прервать связь съ народною религіею и въ замѣнъ разрушенаго его критикою политеизма поставить новое противоположное понятіе о Богѣ. Смутную неудовлетворенность политеизмомъ, потребность выше многихъ боговъ поставить одно высшее ихъ, истинно божественное начало,—потребность, вызываемую коренящеюся въ глубинахъ человѣческаго духа идею о Богѣ, чувствовало и религіозное сознаніе. Но пытаясь удовлетворить ее, не выходя изъ области самого политеизма, оно, конечно, не могло достигнуть желаемаго результата; такъ какъ это была попытка примирить непримирумое, согласить противорѣчащія понятія единства и множественности божественныхъ началъ.

Всего проще и естественнѣе искомаго единства божественаго началъ религіозное сознаніе, повидимому, могло бы достигнуть путемъ возвышенія одного какого-либо божа изъ среды многихъ другихъ, какъ болѣе совершенного и могучаго существа. Насколько бы возвышался мало-по-малу одинъ божъ надъ другими, настолько бы умалились эти другіе, и такое уменьеніе, идя прогрессивно, могло бы дойти до совершенного униженія и, наконецъ, уничтоженія ихъ. Такимъ образомъ,

монотеизмъ, повидимому, могъ возникнуть естественно въ области самой же религіи.

Дѣйствительно, въ Греціи мы можемъ найти нѣкоторыя слабыя попытки религіознаго сознанія возвыситься надъ политеизмомъ именно этимъ путемъ,—путемъ возвышенія Зевса надъ прочими богами миѳологіи. Онъ называется царемъ, отцемъ боговъ; ему приписываются предикаты, повидимому, далеко возвышающіе его надъ сонмомъ прочихъ Олимпійцевъ. Мы встрѣчаемъ даже темные намеки на стремленіе религіознаго сознанія признать его единствъ абсолютнымъ началомъ всего въ пантейстическомъ смыслѣ. „Зевсъ начало всего, Зевсъ средина, изъ Зевса все родилось“ гласить „древнее слово“, часто цитуемое Греческими философами *).

Но этому стремленію, возникшему, можетъ быть, не безъ вліянія восточнаго міросозерцанія, не суждено было развиться до ясной и сознательной мысли о единствѣ божества. *Παλαιὸς λόγος* осталось древнимъ забытымъ словомъ, которое вспоминали только философы, когда желали найти традиціонную опору своимъ самостоятельно выработаннымъ философскимъ возврѣніямъ. Въ дѣйствительномъ религіозномъ сознаніи Зевсъ никогда не могъ возвыситься настолько, чтобы заставить забыть о другихъ богахъ, низвести ихъ въ разрядъ небожественныхъ, низшихъ служебныхъ существъ.

Дѣйствительно, въ такомъ возвышениі, послѣдовательно проведенномъ, заключалось бы уже разрушеніе самого политеизма. Какъ скоро въ политеизмѣ привимается одинъ высочайшій богъ, то онъ есть или дѣйствительно высочайшій и безусловный, а другіе имъ условливаются, слѣдовательно, не суть уже и боги; или при этомъ допускается относительная самостоятельность и другихъ низшихъ боговъ и высочайшему принадлежить только предпочтеніе между многими, не смотря на частное неравенство равными, однако же, по природѣ богами; но въ такомъ случаѣ нѣть уже никакого истинно безусловнаго и высочайшаго существа. Верховный богъ, хотя имѣеть болѣе силы и значенія, чѣмъ прочіе боги, тѣмъ не менѣе, не имѣеть всего того, что имѣеть каждый изъ нихъ; слѣдовательно, онъ ограничивается ими. Онъ, хотя

*) *Παλαιὸς λόγος*. Плат. Leg. IV, 715.

и имѣть власть надъ ними, но власть не безусловную; онъ также, какъ и они, ограниченъ и по своему происхождению и по своему владычеству. Его отношеніе къ прочимъ богамъ — не отношеніе божества къ сотворенному имъ, но отношеніе царя къ своимъ, хотя низшимъ по достоинству, но равнымъ по природѣ, подданнымъ.

Вотъ почему религіозное сознаніе политеизма не могло найти рѣшительного выхода изъ своихъ противорѣчий въ своей же собственной сферѣ, чрезъ окончательное напр. возвѣщеніе Зевса надъ прочими богами съ уничтоженіемъ ихъ самостоятельности. Оно въ такомъ случаѣ должно бы наложить руку само на себя, но это дѣло могло совершиться не въ области самого же политеизма, но въ ея, въ сферѣ мышленія.

То, что сказано нами по отношенію къ Греческому политеизму, вполнѣ можетъ быть примѣнено и ко всему язычеству вообще. Нигдѣ и никогда монотеизмъ не могъ возникнуть путемъ возвышенія одного миѳологического бога надъ другими. Въ ученомъ мірѣ не было недостатка въ попыткахъ объяснить такимъ „естественнымъ“ путемъ происхожденіе единобожія. Такъ, по мнѣнію Юма, исторического начала монотеизма въ средѣ человѣчества мы должны искать не въ какихъ-либо рациональныхъ размышленіяхъ, но въ болѣе простыхъ и менѣе разумныхъ побужденіяхъ и стремленіяхъ. Среди множества ограниченныхъ боговъ у какого либо народа, тотъ или другой изъ нихъ могъ стать предметомъ особенного почтенія. Это могло произойти или такъ, что известное племя стало воображать, будто при распределеніи міра между частными богами оно досталось въ особенный удѣль какому либо одному богу, который и сталъ такимъ образомъ *однимъ* племеннымъ или народнымъ богомъ; или такъ, что по примѣру человѣческихъ обществъ стали думать, будто и міръ боговъ управляется однимъ главою или монархомъ, котораго другіе боги суть какъ бы вассалы и слуги. Въ томъ и другомъ случаѣ, почитался ли верховный богъ покровителемъ одного народа или владыкою міра боговъ, его читтели тѣмъ старались снискать его благорасположеніе, что другъ передъ другомъ соперничали въ присвоеній ему самыхъ льстивыхъ похвалъ и самыхъ возвышенныхъ преди-

катовъ. Гдѣ въ генеалогіи боговъ имѣло мѣсто престоло-наслѣдіе, напр. въ династіяхъ Сатурна, Кроноса, Зевса, тамъ титулы величества съ каждымъ наслѣдникомъ расширялись и раздувались до большихъ и большихъ размѣровъ, пока не достигли наконецъ до послѣдняго предиката, — безконечности. Такимъ образомъ, заключаетъ Юмъ, „при помощи похвальныхъ одѣ и куреній, по мѣрѣ лести и благочестивыхъ гиперболъ, верховный богъ дѣлается существомъ безконечнымъ, существомъ по превосходству, творцемъ и правителемъ вселенной“. Это понятіе впослѣдствіи, конечно, можетъ совпадать съ результатами истинной философіи и разумнаго мышленія, но тѣмъ не менѣе, не разумное мышленіе въ началѣ привело человѣчество къ этому понятію, но лесть и страхъ самаго обыденнаго суевѣрія *).

Вся эта теорія образованія монотеизма, очевидно, основана на томъ ложномъ и недостойномъ воззрѣніи на религію, которое видѣть въ пей чисто человѣческое, обязанное притомъ своимъ происхожденіемъ самымъ низшимъ мотивамъ нашей природы, произведеніе. Только при такомъ воззрѣніи можетъ возникнуть мысль, будто видоизмѣненія въ религіи, и притомъ, такія существенные, какъ напр. переходъ политизма въ монотеизмъ, могутъ происходить отъ такихъ вышнихъ и случайныхъ мотивовъ, каковы напр. аналогія съ монархическимъ правленіемъ, установившимся въ извѣстномъ народѣ, лесть, страхъ и т. п. Конечно, въ религіи, какъ и во всѣхъ прочихъ обнаруженіяхъ человѣческаго духа, къ высшимъ идеальнымъ мотивамъ и стремленіямъ могутъ пріимѣшиватья и пизшіе мотивы и недостойныя побужденія, вслѣдствіе ограниченности человѣческой природы. Отсюда возможно, что какъ при образованіи религіозныхъ представлений, такъ и въ богопочтеніи (культѣ) могутъ находить себѣ мѣсто и играть нѣкоторую роль низшія, эгоистическія побужденія, даже страсти, напр. лесть, страхъ, даже грубая чувственность и гр. Но это элементъ случайный, объясняющій лишь искаженія и уклоненія отъ нормы религіознаго чувства, но не самую сущность религіи и существенные моменты въ ея развитіи, тѣмъ болѣе такой моментъ, который

*) Natur. hist. of religion. См. Pfleiderer: Die Religion et cet. II B. p. 17—21.

представляетъ несомнѣнное повышеніе, а не пониженіе уровня религіознаго сознанія, какъ напр. переходъ его отъ политеизма къ монотеизму.

Такимъ образомъ, объясненіе Юма происхожденія монотеистической идеи есть ложный результатъ ложной теоріи религіи и падаетъ вмѣстѣ съ нею. Какъ такого рода результатъ, онъ, конечно, не можетъ быть оправданъ и исторіею; и дѣйствительно, авторъ естественной исторіи религіи, не смотря на свое желаніе дать своей теоріи историческую основу, не могъ привести въ свою пользу никакихъ историческихъ данныхъ, кроме единичныхъ и ничего неговорящихъ фактовъ вліянія въ дѣлѣ религіи низшихъ и естественныхъ мотивовъ, чего, конечно, отвергать нельзя. За результатъ исторіи онъ выдаетъ свою, чисто теоретическую, гипотезу, и никогда не представляетъ дѣйствительно процесса возникновенія монотеизма путемъ естественного возвышенія одного бога надъ другими. Мы увидимъ, что монотеизмъ (по естественному пути) вырабатывался совершенно инымъ путемъ, — путемъ борьбы философской мысли противъ народнаго политеизма. Политеизму никогда не удалось возвысить напр. Зевса настолько, чтобы онъ явился дѣйствительно единымъ богомъ.

Чтобы и при существованіи политеизма сколько-нибудь уничтожить его противорѣчіе и удовлетворить стремленію ума къ единству высочайшаго начала, религіозное сознаніе должно было поискать другого пути, чѣмъ простое возвышеніе одного бога надъ другими. Оно должно было искать истинно божественнаго и абсолютнаго не въ сферѣ своихъ боговъ, по выше ихъ и надъ ними, при чемъ бы оставались и они въ своей конкретной опредѣленности. Это, высшее боговъ, единство, это абсолютное начало, объединяющее множественность боговъ и множественность міровыхъ явлений, религіозное сознаніе представляло себѣ какъ верховный, абсолютный, властивущій надъ всѣмъ существующимъ таинственный законъ бытія, —то, что Греки называли *Рокомъ* или *Судьбою* (*Мѣро*, *Еїмаоїет*). Понятіе о судьбѣ, властивущей вадъ богами и людьми, страшной для тѣхъ и другихъ, съ особенною ясностю выступаетъ у Греческихъ поэтовъ, преимущественно трагиковъ.

Но эта попытка согласить необходимость признанія истинно

абсолютнаго съ существующимъ политеизмомъ не могла имѣть успѣха; напротивъ, идея рока, если бы проведена была послѣдовательно, имѣла бы слѣдствиемъ окончательное разрушеніе политеизма. Съ подчиненіемъ подъ власть судьбы, боги много потеряли въ своемъ достоинствѣ. Если судьба властуетъ одинаково падъ богами и людьми, то строго говоря, было бы напраснымъ трудомъ искать помощи у такихъ ограниченныхъ и связанныхъ судбою боговъ. Поэтому почитаніе боговъ, при признаніи господствующей падъ всѣмъ судьбы, въ сущности должно считать непослѣдовательностю и запутанностю религіознаго сознанія, постоянно встрѣчающеюся во всѣхъ почти политеистическихъ религіяхъ. Но такая непослѣдовательность имѣеть свои уважительныя причины.

Дѣйствительно, если понятіе судьбы разрушительно дѣйствовало на политеизмъ, то и само оно не могло удержаться безъ него въ религіозномъ сознаніи и удовлетворить его. Оно есть произведеніе теоретического разума; по какъ такое, оно можетъ дать только одностороннѣе удовлетвореніе уму, но не религіозному чувству. Для разсудка еще могла бытъ достаточна абстрактная необходимость (судьба) для завершенія ряда его представлений и для окончательнаго объясненія причинъ явлений. Но такая необходимость не есть божество, котораго ищетъ религія. Теоретически человѣкъ можетъ еще успокоиться на мысли, что все зависитъ отъ власти судьбы, но это не есть нравственная зависимость отъ высочайшаго начала бытія, требуемая религіею. Если бы религіозное сознаніе остановилось на этой мысли, то въ религіозномъ отношеніи оно было бы еще бѣднѣе, еще перелигіознѣе, такъ-сказать, чѣмъ на ступени политеизма. По отношенію къ судьбѣ невозможно никакое благочестіе, никакая религіозность. Напротивъ, сопротивленіе и борьба противъ силы рока есть дѣло столько же благородное и величественное, сколько и преступное: такою и представляется эта борьба у Греческихъ трагиковъ. Но высшая сила, въ отношеніи къ которой была бы возможна религія, должна допускать нравственное отношеніе между собою и тѣмъ, кто отъ нея зависитъ. Въ сущности, судьба образуетъ самое рѣзкое противорѣчіе божественному, поелику ни сама она не есть что-либо божественное, ни надъ собою не терпитъ самобытности чего-

либо божественного; она есть решительное отрицание последнего. Если при таком образе воззрения на абсолютное еще удерживается живое религиозное чувство, то это оттого, что оно твердо привязано к своим древним богам и сохраняет, таким образом, свою непоследовательности разсудка религиозное сознание.

Установить религиозное отношение ума и воли к требуемому мыслю единству абсолютного начала бытия можно не иначе, как придав этому отвлеченному единству живые черты. Нужно, чтобы оно было живым, действенным единством, которое могло бы вступить в отношение с человеком и с которым и человек в свою очередь мог бы находиться в религиозном отношении. Первоначальное единство должно быть мыслимо, следовательно, как живое и действенное, как *существо* или Богъ, а не как всевластный над всем существующим следствием закона бытия. Только с таким существом мыслимо живое отношение человека; с абсолютным законом, с судьбою мы не можем представить такого рода отношения, существенно требуемого религию.

Таким образом, и в возвышеніи Зевса над другими богами и в попытке возвысить над самим Зевсом и однородными по существу с ним богами высшій міроправящій законъ, несомнѣнно выказалось естественное на послѣдней стадіи язычества темное сознаніе имъ своей несостоятельности и необходимости искать выхода изъ противорѣчій политеизма въ признаніи единаго абсолютного начала бытия. Но это сознаніе не могло имѣть никакого результата, пока не выходило изъ области политеизма и искало удовлетворенія путемъ невозможнаго компромисса противорѣчящихъ понятий единства и множественности божественного начала.

Первымъ шагомъ впередъ на этомъ пути, очевидно, должно быть разрешеніе стремящейся къ единству мысли отъ узъ, которыми спутывало и задерживало ее политеистическое міросозерцаніе. Нужно было отрицательное отношение къ политеизму и освобожденіе мысли отъ религиозного воззрѣнія. Такую задачу приняла на себя и послѣдовательно разрѣшила Греческая философія.

Независимый, болѣе или менѣе враждебный, иногда явно

полеміческій характеръ Греческої філософії по отношенію къ народной религії опредѣляется почти на первыхъ порахъ ея исторіи. Въ этомъ въ сущности были согласны двѣ главныя, по направленію противоположныя, школы архаической філософії: Іонійская и Элейская (къ которой примыкаетъ и Піеагорейская). Древнѣйшая изъ нихъ Іонійская, носившая сенсуалистическій характеръ, не смотря на внутреннее противорѣчіе такого направленія духу религії, сначала оказывалась, повидимому, не столь враждебною ей, какъ Элейская. Она ограничивалась тѣмъ, что, не вступая въ полемику съ народными вѣрованіями, только подкладывала подъ міеологіческія представліенія свои идеи. Въ стихійныхъ началахъ природы она думала находить боговъ народной вѣры: Зевса, Геру и др. Но за то впослѣдствіи несовмѣстимость сенсуалистического принципа съ религіозными вѣрованіями высказалась тѣмъ рѣшительнѣе. Філософія атомистовъ Левкиппа и Демокрита совершенно исключала божество при объясненіи происхожденія міра. И если Демокритъ, опасаясь сдѣлать рѣшительный шагъ въ разрывъ съ религіею, говорить еще о богахъ, какъ о какихъ-то высшихъ человѣка, но подобно ему сложенныхъ изъ атомовъ и носящихся въ промежуткахъ между мірами, существахъ, то его послѣдователи, не стѣсняясь, отвергли эти ненужныя существа. Изъ школы Демокрита явились первые извѣстные намъ атеисты.

Съ большею ясностію и сознательностію мысли выступила противъ политеизма другая архаическая школа, — Элеатовъ. Элеаты, склонявшиеся къ идеализму, отвергавши истину бытія множественного и признававши истинно и абсолютно сущимъ бытіе простое, единое и себѣ равное, по этому самому не могли примириться съ религіознымъ представліеніемъ о множествѣ боговъ. Ни у кого, можетъ-быть, изъ греческихъ філософовъ не высказываются такъ ясно поводы недовольства политеизмомъ, какъ у Элеата Ксенофана, названнаго „поносителемъ Гомера“, отца Греческой міеологии.

Гомеръ и Гезіодъ (говоритъ онъ въ своей філософской поэмѣ) богамъ
такія дѣла усвояютъ,
„Какія и людямъ вмѣняются въ стыдъ и въ безчестье,—
„Премюбодѣянье, хищенье, обманы“.